

СОНА СКОФИЛД

Я ЛЕЧИЛА СЕРДЦЕ

*чужими
мужчинами*

Сона Скофилд

Я лечила сердце чужими мужчинами

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73536323

SelfPub; 2026

Аннотация

Он ушел, а вместе с ним будто исчезла и она сама

После болезненного расставания ей казалось, что впереди только пустота, тишина и ночи, в которых невозможно дышать. Чтобы не сойти с ума от боли, она ищет спасение в чужих мужчинах-в их взглядах, руках, сообщениях, желании. Один дает ей иллюзию тепла. Другой-страсть, от которой на время замолкает сердце. Третий умеет слушать так, что рядом с ним хочется остаться.

Но чем сильнее она пытается заглушить прошлое новыми связями, тем яснее понимает: чужая любовь не лечит, если внутри все еще кровоточит старая рана.

Это история не только о расставании.

Это история о женской боли, зависимости от внимания, ошибках, которые совершаются от одиночества, и о пути обратно к себе. О том, как легко перепутать желание с близостью, страсть-с исцелением, а чужую заботу-со спасением

Ей придется пройти через унижение, срывы, чужие обьятия и встречу с прошлым, чтобы однажды понять главную правду:
сердце нельзя вылечить другим человеком

Содержание

Глава 1. Вечер, после которого меня не стало	5
Глава 2. Тишина громче истерики	24
Глава 3. Мне нужен кто-то, чтобы не чувствовать себя брошенной	41
Глава 4. Первый мужчина после него	53
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Сона Скофилд

Я лечила сердце чужими мужчинами

Глава 1. Вечер, после которого меня не стало

Он сказал, что нам надо поговорить, таким голосом, каким не зовут в любовь и не возвращают надежду.

Я поняла это еще до того, как он вошел в кухню. По тому, как тихо закрыл дверь. По тому, как не поцеловал меня в висок, как делал всегда, даже если был уставшим, злым, голодным или опаздывал. По тому, как положил ключи на стол – не бросил, не звякнул связкой, а именно положил. Осторожно. Будто в доме лежал кто-то больной и лишний шум мог убить.

Я стояла у плиты и помешивала сливочный соус, который уже начал густеть сильнее, чем нужно. На столе лежали салфетки с лимонами, его любимая паста ждала в кастрюле, а я еще за десять минут до этого думала, что у нас будет обычный вечер. Один из тех взрослых, домашних, усталых вечеров, которые не показывают в кино, но из которых и состоит

настоящая близость. Ужин, душ, сериал, мои ноги у него на коленях, его рука на моей щиколотке, разговоры ни о чем и обо всем сразу.

Оказывается, даже конец любви приходит в быту. Не под музыку. Не в дождь. Не в аэропорту. А рядом с остывающей пастой и бутылкой вина, которую я поставила дышать слишком рано.

– Нам надо поговорить, – повторил он.

И я зачем-то улыбнулась.

Это была та глупая, автоматическая улыбка женщины, которая еще не знает, что сейчас ее сердце разорвут, и пытается сделать все удобным. Спокойным. Нормальным.

– Ты так говоришь, будто умер кто-то, – сказала я и выключила плиту.

Он не улыбнулся в ответ.

Я помню каждую деталь того вечера с мучительной, издевательской точностью. Складку на его рубашке у плеча. Тень от лампы над столом. Пятнышко соуса на деревянной лопатке. Свою правую руку, которой я машинально поправила волосы, будто хотела выглядеть лучше для разговора, который меня уничтожит. Даже то, как в соседней квартире кто-то смеялся слишком громко, и этот смех показался мне неприличным, чужим, почти оскорбительным.

Он сел не на свое обычное место.

Вот тогда во мне что-то сдвинулось.

Такие вещи замечаешь телом раньше, чем головой. Свой

человек вдруг двигается не так, дышит не так, смотрит мимо. Ты еще ничего не знаешь, но уже начинаешь мерзнуть изнутри.

Я медленно села напротив.

– Что случилось?

Он провел ладонью по лицу. Потом сцепил пальцы. Потом расцепил. И я вдруг увидела, что он репетировал этот разговор. Не слова даже – жесты. Он уже был здесь, за этим столом, много раз. Только без меня. Один. В мыслях. И каждый раз уходил.

– Я больше так не могу, – сказал он.

Никогда не думала, что эти пять слов могут звучать как удар по лицу.

– Как – так? – спросила я.

Мне до сих пор стыдно за этот вопрос. За эту жалкую попытку сделать вид, будто все еще можно уточнить формулировку и что-то исправить. Будто проблема в конструкции предложения, а не в том, что тебя больше не любят.

Он посмотрел на меня устало. Не зло. Не виновато. Именно устало.

– Я больше не хочу быть в этих отношениях.

Мир не рушится в одно мгновение. Это в фильмах все падает резко: стаканы, крики, музыка, сердце. В жизни сначала наступает пауза. Пустая, белая, звенящая. Как будто кто-то выдернул звук из комнаты.

Я смотрела на его губы и не сразу понимала слова. В голо-

ве было только одно: нет, сейчас он продолжит. Сейчас объяснит. Сейчас скажет, что устал, что у него кризис, что ему надо время, что мы запутались, что давай попробуем иначе. Любой бред. Любую неправду. Что угодно, кроме того, что уже было сказано.

– Это шутка? – тихо спросила я.

Он покачал головой.

– Нет.

– Ты серьезно?

– Да.

– Из-за чего?

Вот тут я впервые услышала, как ломается мой собственный голос. Не от громкости. От недоверия. От того, как в один момент взрослый человек превращается в испуганного ребенка, которого оставляют в магазине между полок и говорят: постой здесь, я сейчас вернусь.

Только никто не возвращается.

Он долго молчал. Смотрел куда-то в край стола. Потом сказал:

– Не из-за чего-то одного. Это давно копилось.

Давно.

Это слово было хуже пощечины.

Давно – значит, он уже жил рядом со мной и уходил. Спал рядом и уходил. Обнимал, целовал, ел мою еду, спрашивал, как прошел мой день, и уже уходил. Давно – это предательство, растянутое во времени и завернутое в вежливость.

– И ты молчал? – спросила я.

– Я пытался разобраться.

– Во мне?

– В себе. В нас.

Я засмеялась.

Это был страшный звук. Я не сразу поняла, что смеюсь я. Смех получился короткий, хриплый, неуместный, почти сумасшедший. Так смеются люди, которым только что сообщили что-то несовместимое с их картиной мира.

– В нас? – переспросила я. – А у нас были проблемы? Серьезно? Когда? Между ужином в пятницу и кино в субботу? Или в воскресенье, когда мы выбирали шкаф в спальню?

Он закрыл глаза на секунду.

– Не надо так.

– Как – так? Говорить вслух то, что было? Или ты предпочитаешь, чтобы я тоже вела себя удобно? Спокойно? Достойно? Чтобы тебе легче было меня бросать?

– Я не хочу делать тебе больно.

– Уже сделал.

Я сказала это спокойно. Почти ровно. Но внутри у меня все уже рвалось.

Есть момент, когда унижение еще можно не чувствовать, потому что шок обезболивает. Ты продолжаешь задавать вопросы, будто участвуешь в разговоре на равных. Но на самом деле один уже все решил, а второй только присутствует при собственном крушении.

– У тебя кто-то есть? – спросила я.

Он вскинул взгляд.

– Нет.

Слишком быстро.

– Нет? Или ты не хочешь сейчас об этом говорить?

– У меня никого нет.

Я смотрела на него и впервые за все время не понимала, знаю ли этого человека. Того самого мужчину, рядом с которым я просыпалась, которого целовала сонного, которому покупала рубашки, потому что знала, какой оттенок синего делает его глаза светлее. Мужчину, чьи привычки я различала по шагам в коридоре. Того, кого, как мне казалось, я умела читать по дыханию.

Оказалось, любовь не дает права знать правду.

– Тогда почему? – спросила я уже шепотом.

Он ответил не сразу.

– Я рядом с тобой... перестал быть собой.

Это было так красиво и так жестоко, что я даже не сразу разозлилась. Фразы, после которых уходят, всегда звучат удивительно чисто. Люди редко бросают тебя грубо. Грубость оставляет следы, а красивые объяснения помогают сохранить образ хорошего человека.

Я встала.

Не потому, что хотела уйти. Просто сидеть больше не могла. В теле появилось слишком много энергии, похожей на слабость. Я подошла к окну, но ничего не видела. В стекле

отражалась кухня, лампа и он – мужчина, который только что вынул из меня позвоночник и при этом выглядел почти порядочным.

– То есть я мешала тебе быть собой? – спросила я, не оборачиваясь.

– Я не это имел в виду.

– А что ты имел в виду? Объясни. Мне правда интересно. Я готовила тебе ужины, стирала, гладила, отпрашивалась с работы, чтобы поехать с тобой к твоей матери в больницу, сидела с тобой ночами, когда у тебя были проблемы, а теперь выясняется, что рядом со мной ты терял себя? Где именно? Между моей заботой и твоим комфортом?

Он тоже поднялся.

– Не переворачивай.

Я резко повернулась к нему.

– Не переворачивать что? Мою жизнь? Ее уже перевернули.

Мой голос сорвался на последнем слове. И я увидела, как он дернулся. Не от боли за меня. От неловкости. От желания, чтобы эта сцена закончилась быстрее.

Вот это и было самым страшным.

Не то, что он уходит.

А то, что моя боль уже обременяла его.

– Я не хотел, чтобы так получилось, – сказал он.

– Но так получилось.

– Я тянул, потому что боялся тебя ранить.

– Нет. Ты тянул, потому что тебе было удобно. Не надо сейчас делать из этого жертвенность.

Он молчал.

И это молчание все подтвердило.

Внутри меня что-то вспыхнуло – не сила, нет. Оскорбление. То самое чистое, соленое, обжигающее оскорбление женщины, которая вдруг понимает, что ее не просто разлюбили. Ее еще и использовали как мягкую посадку перед уходом. Чтобы подготовиться. Чтобы привыкнуть. Чтобы внутренне отдалиться, пока она продолжала любить в полную силу.

– Когда ты решил? – спросила я.

Он отвел взгляд.

– Не знаю.

– Врешь.

– Я правда не знаю точный момент.

– Но знаешь примерно.

Долгая пауза.

– Несколько месяцев назад.

Я почувствовала, как у меня подкашиваются ноги.

Несколько месяцев.

Несколько месяцев я жила внутри отношений одна.

Несколько месяцев я спрашивала: «Ты устал?», «У тебя что-то на работе?», «Ты какой-то далекий» – а он отвечал, что все нормально, просто период. Несколько месяцев я обнимала человека, который уже примерял жизнь без меня.

Несколько месяцев я винила себя за его холодность, думала, что стала скучной, тяжелой, недостаточно красивой, недостаточно сексуальной, недостаточно интересной.

А он уже просто уходил, только медленно.

– И ты спал со мной, – сказала я. Это не был вопрос.

Он побледнел.

– Не надо.

– Надо. Ты спал со мной, целовал меня, говорил «люблю»?

Он ничего не ответил.

– Говорил? – повторила я громче.

– Иногда... по привычке.

Я не помню, как ударила его.

Это случилось само. Не сильно. Ладонью. По щеке. Звук вышел сухим, почти детским. Но после него все стало по-настоящему.

Он отшатнулся. Я тоже.

Мы смотрели друг на друга так, будто впервые увидели без одежды, кожи и ролей. Он – мужчину, который пришел уйти. Я – женщину, которую унизили до предела.

– Прости, – автоматически сказала я.

И в ту же секунду возненавидела себя за это.

За то, что даже сейчас, в момент собственного распада, первая реакция – извиниться. Сгладить. Быть хорошей.

Он потер щеку.

– Я понимаю, что тебе больно.

– Не смей, – тихо сказала я.

– Что?

– Не смей говорить со мной так, будто ты доктор, а я пациентка. Не смей быть выше этого. Не смей уходить от меня с этим лицом уставшего благородства. Ты не спасатель и не мученик. Ты мужчина, который несколько месяцев врал женщине, живущей с ним.

Кажется, только тогда он действительно разозлился.

– А ты думаешь, с тобой было легко? – сказал он. – Думаешь, ты не давила? Не контролировала? Не растворялась во мне так, что рядом невозможно было дышать?

Эти слова ударили сильнее ладони.

Потому что в каждом из них была доля того, чего я боялась всю нашу жизнь вместе.

Что любить меня тяжело.

Что со мной много.

Что моя привязанность – не тепло, а груз.

Я села на стул, потому что стоять больше не могла. Не из-за слабости. Из-за того, что в какой-то момент тело перестает выдерживать правду, которую ты не просил.

– Понятно, – сказала я.

На самом деле мне ничего не было понятно. Но это слово часто вырывается, когда понимание уже не имеет смысла.

Он снова заговорил. Что-то о том, что мы оба несчастливы. Что дальше было бы хуже. Что он не хочет жить в постоянном напряжении. Что так честнее. Что мы слишком раз-

ные. Что он долго думал. Что это решение не спонтанное. Что он благодарен мне за многое.

Я слушала только отдельные слова:

честнее,

напряжение,

разные,

благодарен.

Невозможно благодарить человека, которого только что уничтожил. Но, видимо, мужчины умеют.

Потом он спросил:

– Я могу пока пожить у друга. Потом заберу остальное.

Остальное.

Не вещи. Не рубашки. Не книги. Не зубную щетку в стакане у раковины. А остальное.

Я кивнула.

Я уже не плакала. Слезы куда-то ушли. Возможно, организм решил, что плач – роскошь для более безопасных условий.

Он пошел в спальню собирать самое необходимое.

Вот это я запомнила хуже всего и лучше всего одновременно.

Шкаф открылся.

Выдвинулся ящик.

Молния спортивной сумки.

Шорох ткани.

Тихий стук вешалки.

Все звуки были обычными. Нормальными. Домашними. И именно поэтому невыносимыми. Так звучал конец моей жизни, маскируясь под сборы в командировку.

Я сидела на кухне и смотрела на две тарелки.

На двух людей мы жили вместе.

На одного я, оказывается, любила.

Соус остывал, покрываясь тонкой пленкой. Свечу, которую я зажгла перед его приходом, я так и не потушила, и она горела глупо, празднично, как насмешка.

Он вышел из спальни с сумкой через плечо. Куртка, телефон, кошелек. Набор предметов для новой жизни, в которой мне уже не было места.

Я подняла на него глаза.

– Скажи честно, – попросила я. – Ты меня вообще любил?

Он застыл в дверях.

Этот вопрос был унижительным. Я это понимала. Но в тот момент унижение уже не имело значения. Когда тебя выбросили из собственного «мы», ты хватаешься хоть за что-то. За доказательства, за прошлое, за воспоминания, за право считать прожитые годы настоящими, а не ошибкой.

– Любил, – сказал он.

– А потом?

Он долго молчал.

– Потом стало по-другому.

По-другому.

Еще одно красивое слово вместо прямого.

Потом я все же заплакала. Без всхлипа, без истерики – просто слезы потекли, и я не смогла их остановить. Мне хотелось отвернуться, спрятать лицо, сохранить хоть какое-то достоинство, но сил на это не было.

Он сделал шаг ко мне.

– Не подходи, – сказала я.

Он остановился.

– Пожалуйста, – добавила я уже шепотом. – Просто не подходи.

Он кивнул.

Потом взял ключи. Оглядел квартиру так, будто проверял, ничего ли не забыл. И я вдруг подумала: вот оно. В такие моменты любовь заканчивается не в сердце. Она заканчивается в жестах. В том, как человек уже смотрит на общий дом как на место, из которого надо не забыть зарядку.

– Береги себя, – сказал он.

Я закрыла лицо руками.

Дверь открылась.

Потом закрылась.

И ничего не произошло.

Не взорвались лампы.

Не рухнули стены.

Не отключился свет.

Не умерло небо.

Просто в квартире стало очень тихо.

Я сидела так долго. Может, десять минут. Может, час.

Время после разрыва сразу теряет форму. Оно перестает идти вперед и начинает стоять вокруг тебя, как вода.

Потом я встала и пошла в коридор.

Открыла дверь.

Площадка была пустой.

Лифт, наверное, уже давно увез его вниз, а я все смотрела на серый коврик у порога, будто там можно было найти объяснение. Или следы. Или ошибку. Или версию реальности, в которой я сейчас догоню его, схвачу за рукав, и он вдруг поймет, что совершает ужасную глупость.

Но коридор был пуст.

Я закрыла дверь и зачем-то повернула замок на два оборота, словно опасность была снаружи, а не уже внутри меня.

Потом началось то, о чем не предупреждают.

Не истерика. Не крики. Не падение на пол.

А странная, унижительная механика горя.

Я убрала тарелки со стола.

Выключила свечу.

Переложила пасту в контейнер.

Поставила в холодильник.

Помыла лопатку.

Вытерла стол.

Проверила, выключена ли плита, хотя уже выключала.

Потом снова проверила.

Когда тебя бросают, мозг цепляется за бытовые действия, как за поручни в падающем лифте. Пока руки делают про-

стое, есть иллюзия, что ты еще существуешь.

В ванной я увидела его зубную щетку.

Вот тогда меня скрутило по-настоящему.

Я села на край ванны и начала плакать так, будто меня кто-то душил изнутри. Беззвучно, жадно, с рваными вдохами. Из носа текло, глаза жгло, грудную клетку раздирало. Я держала в руке эту чертову щетку и понимала, что человек может исчезнуть из жизни за двадцать минут, но вещи еще долго будут делать вид, что он просто вышел.

На полке стоял его гель для бритья.

На крючке висело полотенце.

В спальне на стуле лежали домашние штаны.

На кухне – любимая кружка с трещиной на ручке, которую я все собиралась выбросить и каждый раз жалела.

Дом оказался полон его следов.

Нет, не следов. Его присутствия.

И вот это было невыносимо: он уже ушел, а квартира еще отказывалась это признавать.

Я не знаю, сколько просидела в ванной. В какой-то момент зазвонил телефон. Я бросилась к нему с такой скоростью, будто тело все еще верило раньше головы.

Конечно, это был не он.

Подруга. Я смотрела на экран и не отвечала. Я не могла говорить. Любые слова сделали бы случившееся реальным, а пока оно оставалось только внутри квартиры, внутри моего тела, внутри этой ночи.

Телефон замолчал. Потом пришло сообщение:

«Ты как?»

Как.

Как человек, которому только что вырвали половину будущего.

Как женщина, которая в одну минуту из любимой стала лишней.

Как дура, которая варила пасту и думала, что у нее обычный вечер.

Но я ничего не ответила.

Я пошла в спальню и легла поперек кровати, не раздеваясь. На его половине еще осталась вмятина от вчерашней ночи. Я уткнулась в подушку и почувствовала его запах – шампунь, кожа, немного табака с улицы, хотя он почти не курил, только иногда с друзьями. Этот запах ударил сильнее слов.

Я схватила подушку и прижала к себе.

Так, наверное, выглядит настоящее безумие со стороны: взрослая женщина в темной комнате обнимает чужую подушку так, будто это может вернуть ей достоинство.

Я снова открыла телефон.

Никаких сообщений.

Тогда я впервые за тот вечер написала ему сама:

«Ты правда вот так ушел?»

Сообщение доставлено.

Прочитано не сразу.

Потом долго ничего.

А затем пришел ответ:

«Нам обоим сейчас нужно время».

Время.

Люди всегда бросают тебе время вместо любви. Время, пространство, дистанцию, возможность все осмыслить. Как будто это подарок, а не отходы после катастрофы.

Я смотрела на экран, пока буквы не начали плыть.

Потом заблокировала телефон.

Потом снова разблокировала.

Потом перечитала.

Потом зашла в наш диалог выше, в фотографии, в голосовые, в мемы, в банальное: «Купи хлеб», «Я задержусь», «Целую», «Спишь?»

И в каждом сообщении мне мерещилась ложь.

Вот где он уже не любил?

Вот здесь?

Или здесь, где отправил сердечко?

А тут, когда писал «скучаю», он уже примерял жизнь без меня?

Невозможно спокойно смотреть на прошлое, когда знаешь конец.

Ночь не заканчивалась.

Я вставала пить воду и не могла проглотить.

Садилась на кухне и мерзла.

Возвращалась в спальню и не могла лечь на его сторону.

Проверяла телефон каждые три минуты.

Прислушивалась к лифту, к шагам за дверью, к любому шуму, будто он может передумать и вернуться.

Люди говорят, что гордость должна включаться сразу. Что после такого надо удалить номер, выбросить вещи, умыться холодной водой и сказать себе: он не достоин меня.

Это вранье.

Сначала включается не гордость.

Сначала включается зависимость.

Самая жалкая, самая честная, самая унижительная часть любви: желание, чтобы тебя выбрали обратно, даже после всего.

Под утро я все же уснула на час или два. Проснулась резко, с колотящимся сердцем, в секунду не понимая, где нахожусь. А потом все вернулось. Не постепенно. Сразу. Будто память только этого и ждала.

Я повернула голову.

Его половина кровати была пустой.

И именно тогда, в бледном, грязном свете раннего утра, я поняла страшную вещь:

вечер, в который он ушел, не просто закончился.

В тот вечер закончилась женщина, которой я была рядом с ним.

Та, что знала, кому писать первым.

Та, что покупала вино «на двоих».

Та, что строила планы на лето.

Та, что говорила «мы» без опаски.

Та, что была уверена: меня любят.

Ее больше не стало.

Осталась только я.

И я пока совсем не знала, как с этим жить.

Глава 2. Тишина громче истерики

Утро после расставания оказалось не трагическим.

Оно оказалось унизительно обычным.

За окном ехали машины. Где-то внизу хлопнула дверь подъезда. У соседей сверху что-то покатилося по полу – наверное, ребенок опять гонял машинку или собака носилась по коридору. Мир не чувствовал, что ночью у меня внутри что-то сдохло. Мир не сделал паузу. Не притормозил из уважения. Не опустил громкость.

Он просто продолжился.

Я лежала на спине и смотрела в потолок, будто там могли появиться ответы. Откуда-то из кухни доносился слабый запах вчерашнего соуса, и меня от него мутило. В горле стояла сухая боль, как после температуры. Глаза жгло, но слез уже не было. Все, что могло вытечь, кажется, вытекло ночью.

Телефон лежал рядом.

Я не хотела его брать.

Я взяла его сразу.

Никаких новых сообщений.

Я еще раз открыла наш диалог, словно за эти несколько часов текст мог поменяться, стать другим, человеческим, ошибочным. Но там все так же стояло это проклятое:

«Нам обоим сейчас нужно время».

Время.

Слово, которым прикрывают трусость.

Я прочитала его десять раз подряд, потом открыла его фотографию в переписке, увеличила, будто могла рассмотреть там что-то новое. Лоб. Глаза. Уголок губ. Ту самую рубашку, которую я выбирала ему перед осенью. Его лицо было знакомым до боли и совершенно чужим.

Я написала:

«Ты где?»

Стерла.

Потом:

«Мы можем поговорить нормально?»

Стерла.

Потом:

«Я не понимаю, как ты мог так уйти».

И снова стерла.

Самое страшное в таких утрах – не только боль. Самое страшное – как быстро любовь превращает тебя в человека, который унижает сам себя еще до первого ответа. Ты уже знаешь, что тебя не выбрали. Но все равно мысленно выстраиваешь фразы, которые должны вернуть тебе хоть крупицу контроля.

Я отбросила телефон на подушку и закрыла глаза.

Тело казалось тяжелым, ватным, как после наркоза. Но внутри этой тяжести все равно шевелилось беспокойство. Оно не давало лежать спокойно. Я встала – резко, будто спешила куда-то, – и тут же остановилась посреди комнаты.

Спешить было некуда.

Это тоже оказалось новым.

Еще вчера моя жизнь была натянута на привычки: кофе на двоих, душ по очереди, его рубашка на спинке стула, разговоры о том, кто сегодня заедет в магазин. А теперь день открылся передо мной пустым коридором без дверей. Никаких «мы». Никакого порядка. Только я и часы, которые нужно как-то пережить.

Я пошла в ванную и посмотрела на себя в зеркало.

Лицо было чужим. Опухшие веки. Серое, как будто из меня вытащили кровь. Волосы спутались, губы пересохли. Я выглядела не как брошенная женщина из красивых фильмов, а как человек, которого долго рвало невидимыми руками.

Я открыла кран, набрала воды в ладони, плеснула на лицо. Еще раз. И еще. Кожа стала ледяной, но внутри ничего не менялось.

На полке по-прежнему стоял его гель для бритья.

Я смотрела на него долго. Потом взяла и открыла крышку. Запах ударил сразу – знакомый, чистый, родной. От этого запаха у меня обычно было чувство дома. Теперь от него хотелось удариться лбом о кафель.

Я сжала бутылку так сильно, что она хрустнула в руке.

– Ненавижу тебя, – сказала я вслух.

И тут же поняла, что вру.

Ненависть была бы спасением. Ненавидеть – это уже сила.

А я пока еще любила. Раненой, униженной, грязной любовью – но любила. И именно это делало все невыносимым.

На кухне я открыла холодильник, уставилась на контейнер с пастой и захлопнула дверцу. Есть не хотелось совсем. Меня мутило от одной мысли о еде. Я включила чайник, не потому что хотела чаю, а потому что так делают люди по утрам, а мне страшно было не делать ничего.

Когда вода закипела, я вдруг поняла, что поставила две чашки.

Две.

Моя рука сама достала его любимую – темно-синюю, с маленьким сколом у основания ручки. Я смотрела на нее несколько секунд, потом медленно убрала обратно. От этого простого движения внутри все болезненно дернулось, будто я не кружку переставила, а признала приговор.

Я налила кипяток в свою чашку, но чайный пакетик так и не опустила. Села за стол. Остывающая вода стояла передо мной прозрачной и бесполезной, как мои попытки держаться.

Телефон снова оказался в руках раньше, чем я успела подумать.

Я открыла его соцсети. Последний онлайн был ночью. Я обновила страницу. Потом еще раз. Потом перешла в фотографии. Потом в подписки. И в этот момент я сделала то, что всегда презирала в других женщинах, – начала искать доказательства.

Доказательства другой.

Доказательства вранья.

Доказательства того, что мне не показалось.

Доказательства того, что если уж меня сломали, то хотя бы не на пустом месте.

Каждая новая женская фотография, каждый лайк, каждый старый комментарий стали иголками под кожу. Я понимала, что схожу с ума, но остановиться не могла. Это был не интерес. Это была лихорадка. Мозгу нужен был сюжет, причина, конкретное лицо, потому что абстрактное «разлюбил» переносить невозможно.

Я нашла одну девушку, на которую раньше не обращала внимания. Темные волосы, спокойная улыбка, что-то слишком уверенное в подбородке. Под ее фотографией стоял его старый лайк. Полгода назад. Ничего не значащая деталь. А может – значащая. В такие дни все становится уликой.

Я уставилась в экран и почувствовала, как к горлу снова подступает волна.

Не из-за нее.

Из-за себя.

Из-за того, как быстро, как низко, как жалко любовь умеет опускать женщину. Ты больше не думаешь о гордости, о достоинстве, о собственной жизни. Ты сидишь растрепанная на кухне, не почистив зубы, и вглядываешься в чужую улыбку, пытаясь понять: в ней он уже жил вместо меня или нет?

Я швырнула телефон на стол.

Он звякнул, отскочил, чуть не упал. Я поймала его и прижала к груди, как будто он был живым. Потом медленно, очень медленно положила обратно.

Мне нужно было выйти из квартиры.

Хотя бы в душ.

Хотя бы в одежду.

Хотя бы в день.

Я заставила себя открыть шкаф. Его вещи все еще висели рядом с моими, и от этого простое утро вдруг стало похоже на сцену преступления. Рубашки. Футболки. Джемпер, который я терпеть не могла, а он почему-то обожал. Между его одеждой и моей не было границы, и от этого становилось особенно ясно, насколько тесно мы были переплетены. Не как в большой любви. Как в общей жизни. А общая жизнь рвется грязнее, чем роман.

Я взяла первую попавшуюся футболку, натянула джинсы и снова села на край кровати.

Силы заканчивались, едва начавшись.

Работа.

Я вспомнила о работе так, будто это было что-то из другой вселенной. На телефоне действительно висело несколько уведомлений из чата. Я открыла. Коллега спрашивала, выйду ли я сегодня на созвон. Руководитель прислал короткое «жду файлы до обеда».

Файлы.

Созвон.

Обед.

Я смотрела на эти слова и не понимала, как люди могут чего-то ждать от меня, когда у меня внутри дыра размером с комнату. Но мир, как выяснилось, всегда ждет. Даже если ты умер неофициально.

Я напечатала:

«Плохо себя чувствую, сегодня возьму день».

Нажала отправить и почти обрадовалась этой формулировке. Она была правдой в самом точном смысле. Я действительно плохо себя чувствовала. Только никто не уточнял, что болезнь называется «меня больше не любят».

Через минуту пришло:

«Поправляйся».

Я усмехнулась.

Если бы люди знали, от чего на самом деле иногда нужно поправляться.

К полудню квартира стала невыносимой. Я ходила из комнаты в комнату, как в музее собственной прошлой жизни. В спальне на тумбочке лежала его книга, в которую он заложил чек из заправки. В прихожей стояли его кроссовки, те самые, в которых он ездил со мной к морю. На подоконнике – маленький суккулент, который он назвал идиотским именем и поливал чаще, чем я. Каждая вещь не просто напоминала о нем – она продолжала утверждать, что он здесь живет. Что все как раньше. Что это недоразумение.

Я встала посреди спальни и сказала вслух:

– Нет. Нет. Нет.

Это было похоже на заклинание, которое не работает.

Потом меня накрыло.

Не красиво. Не мощно. Не как в сценах, где женщина медленно сползает по стене под музыку.

Меня просто скрутило.

Я села на пол между кроватью и шкафом, обняла колени и начала выть – тихо, глухо, как раненное животное. Откуда-то из живота рвались звуки, которых я раньше от себя не слышала. В эти минуты боль выходит из достоинства и становится чистой физиологией. Ты не думаешь, как выглядишь. Ты не думаешь, что надо взять себя в руки. Ты просто дышишь через раз и чувствуешь, как сердце колотится так, будто пытается выбить ребра изнутри.

Именно тогда мне пришла первая мысль, которая испугала меня по-настоящему:

А вдруг он больше никогда не вернется?

До этого момента какая-то часть меня все еще жила в режиме ожидания. Вот сейчас пройдет ночь, потом утро, потом он остынет, потом напишет, потом скажет, что погорячился, что устал, что запутался. Что нужно просто поговорить. Что все можно спасти.

Но на полу между кроватью и шкафом меня впервые прошила другая правда:

а что, если это уже и есть новая жизнь?

Не пауза. Не кризис. Не драматическая сцена.

А новый постоянный режим, где его больше нет.

Меня затошнило.

Я еле добежала до ванной и стояла над раковиной, пока пустой желудок судорожно сокращался от нервов. На губах выступила горечь, глаза налились слезами. Это было так унижительно, что даже стыдиться не осталось сил.

Я прополоскала рот, села на холодный кафель и уставилась в стену.

Люди часто говорят: «У меня разбито сердце», будто это метафора. Красивый оборот, литературная слабость. Но в тот день я узнала, что это почти телесный диагноз. Сердце правда ведет себя как раненый орган. Болит грудь. Перехватывает дыхание. Подкашиваются ноги. Тошнит. Трясет. Ты не ешь, не спишь и не можешь согреться.

Мне хотелось позвонить кому-нибудь.

И не хотелось никому.

Потому что звонок сделал бы случившееся окончательным. Пока я молчала, все еще можно было притворяться, что это один ужасный день, а не развал моей жизни.

Но к двум часам дня я сломалась.

Я набрала Леру.

Она ответила сразу:

– Ну наконец-то. Я тебе с утра звоню. Что случилось?

Я молчала.

Иногда тишина в трубке говорит громче слов. Она услышала по моему дыханию.

– Что произошло? – уже тише спросила она.

Я открыла рот и не смогла сказать. Горло мгновенно сжалось. Из него вырвался только хрип, потом всхлип, потом еще один.

– Он ушел, – наконец выдавила я.

На том конце повисла пауза. Потом Лера тихо выдохнула:

– Так. Я еду к тебе.

– Не надо.

– Надо.

– Не надо, пожалуйста. Я не хочу никого видеть.

– Ты одна?

Я огляделась по сторонам так, будто нужно было это про-
верить.

– Да.

– Ты ела?

Я засмеялась сквозь слезы.

Конечно. Именно это сейчас было главным.

– Нет.

– Я привезу что-нибудь.

– Лера, не надо.

– Я все равно приеду.

В ее голосе было столько спокойной решимости, что я чуть не разрыдалась снова. Иногда больше всего на свете хочется, чтобы тебя не спасали. Потому что спасение подтверждает: да, ты действительно лежишь под завалом.

– Хорошо, – сказала я и отключилась.

После звонка в квартире стало как будто еще тише. Я села на край кровати и вдруг остро поняла: если Лера сейчас приедет, мне придется открыть рот и снова произнести это вслух. Придется рассказывать. Повторять его слова. Слышать их своими же ушами. И каждое повторение будет пришивать эту боль к реальности крепче.

Я взяла телефон и снова написала ему.

На этот раз не стерла.

«Скажи честно, у тебя кто-то есть?»

Сообщение ушло мгновенно.

Я уставилась на экран, как на дверь реанимации.

Минуты тянулись долго. Я видела, как он появляется в сети, исчезает, снова появляется. Он читал. Не отвечал. Снова читал.

Потом пришло:

«Нет. Сейчас не время это обсуждать».

Сейчас не время.

Я перечитала и почувствовала, как внутри поднимается что-то едкое, злое, униженное.

То есть бросить меня – время.

Уйти из квартиры, где мы жили вместе, – время.

Оставить меня разбираться с руинами – время.

А ответить честно – уже нет.

Я написала:

«А когда время? Когда я перестану тебя волновать настолько, чтобы не быть неудобной?»

Отправила.

И почти сразу пожалела. Не потому, что это было неправдой. А потому, что любая фраза, посланная вслед уходящему, ставит тебя ниже. Он уже решил. Он уже вышел. А ты все еще стоишь в дверях своей душой.

Ответа не было.

Я ждала его, когда мыла руки.

Ждала, когда искала чистую футболку.

Ждала, когда пыталась расчесать волосы.

Ждала, когда стояла у окна и смотрела на улицу, не видя лиц.

Телефон молчал.

В половине четвертого пришла Лера. Она позвонила один раз, потом сразу открыла дверь своим запасным ключом – я сама когда-то настояла, чтобы он у нее был «на всякий случай». Не знала, что этот всякий случай придет таким.

Она вошла осторожно, будто в квартире лежал тяжело больной.

В руках у нее был пакет. В другом – пластиковый стакан с кофе.

– Я взяла тебе без сахара, как ты любишь, – сказала она тихо.

Я стояла посреди комнаты, скрестив руки на груди, и вдруг почувствовала, как сильно мне хочется, чтобы она меня не жалела. Лишь бы не этим взглядом. Лишь бы не мягким голосом. Лишь бы не как на сломанную.

– Не смотри на меня так, – резко сказала я.

Она поставила пакет на тумбу и подошла ближе.

– Как?

– Как будто я сейчас развалюсь.

– А ты не развалишься?

Я отвернулась.

Честность лучших подруг иногда ранит не меньше правды мужчин. Только эта рана почему-то лечит.

Лера не стала обнимать меня сразу. За это я была ей благодарна. Она прошла на кухню, достала из пакета йогурт, бананы, какие-то хлебцы, суп в контейнере, еще воду.

– Ты хотя бы пару ложек съешь, – сказала она, будто разговаривала с ребенком после температуры.

– Меня тошнит.

– Я знаю. Но потом будет еще хуже.

Я села за стол, просто чтобы не спорить. Она налила суп в миску, подогрела, поставила передо мной. От запаха меня действительно замутило, но Лера смотрела так спокойно и твердо, что я взяла ложку.

Первая ложка в горло не шла.

Вторая тоже.

На третьей я расплакалась.

Не потому, что было невкусно.

Потому что меня кормили, как раненую.

Лера села напротив.

– Расскажи, – сказала она.

И я рассказала.

Не красиво. Не последовательно. Обрывками. Про пасту. Про «нам надо поговорить». Про «я больше не хочу быть в этих отношениях». Про несколько месяцев. Про то, как он сказал, что рядом со мной перестал быть собой. Про «по привычке». Про то, как я его ударила. Про ключи на столе. Про сумку через плечо. Про дверь.

Лера слушала молча. Иногда закрывала глаза. Иногда поджимала губы. Но не перебивала.

Когда я закончила, мне стало не легче. Просто более стыдно.

Слова, вынесенные наружу, лишили меня последней защиты.

– Скотина, – тихо сказала она.

Я почти сразу возразила:

– Не надо.

– Надо. Потому что ты сама пока не можешь это сказать.

– Он не скотина.

– А кто? Мужчина, который несколько месяцев лгал, а потом ушел в один вечер?

– Он не лгал... просто...

Я осеклась.

Лера смотрела на меня с жалостью, от которой хотелось кричать.

– Вот это самое страшное, – сказала она. – Он тебя уже бросил, а ты все еще его защищаешь.

Я устала в миску.

Потому что это было правдой.

Любовь не выключается в ту минуту, когда тебя перестали любить. Она продолжает защищать источник боли, как тело продолжает беречь сломанную руку, даже если та уже бесполезно висит.

– Я не знаю, что мне делать, – прошептала я.

Лера вздохнула.

– Сегодня? Ничего великого. Попить воды. Поесть хоть немного. Не писать ему каждые пять минут. Постараться пережить этот день.

– А завтра?

– Завтра тоже пережить.

Мне хотелось ответить, что это слишком мало. Что я хочу не «пережить день», а вернуть жизнь. Вернуть себя вчерашнюю. Вернуть ту версию мира, где у нас было лето, отпуск, магазин по выходным, общий пароль от телевизора и какой-то там дурацкий шкаф, который мы выбирали в спальню.

Но, возможно, большие катастрофы и правда переживаются не смыслом, а часами.

От одного вечера к другому.

От одного глотка воды к следующему.

От одной неотправленной истерики к другой.

Когда Лера ушла ближе к вечеру, квартира снова обрушилась на меня всей своей пустотой. Но теперь в ней хотя

бы пахло не только им, а еще супом и чужими духами. Чужое присутствие чуть сдвинуло стены, и от этого было не так страшно.

Я села на диван и положила рядом телефон.

Не брать.

Не писать.

Не проверять.

Я продержалась пятнадцать минут.

Потом снова открыла переписку.

Ответа на последнее сообщение так и не было.

И тогда я впервые за весь день испытала не только боль, но и унижение такой силы, что стало трудно дышать. Меня не просто оставили. Меня еще и можно было теперь игнорировать. Я, с которой он делил постель и жизнь, превратилась в человека, на чьи сообщения можно ответить когда-нибудь потом. Или не ответить вовсе.

Я положила телефон экраном вниз.

Потом подняла.

Потом снова положила.

К ночи квартира стала похожа на аквариум. Все звуки приглушились, движения замедлились, воздух сделался вязким. Я не включала телевизор. Не ставила музыку. Даже свет зажгла только в одной лампе. Большая яркость была бы неприличной для такого состояния.

Я сидела в полутьме и вдруг поняла, что тишина действительно бывает громче истерики.

Истерика – это всплеск. Крик. Волна.

А тишина – это когда ты слышишь собственное сердце так отчетливо, будто оно стучит отдельно от тебя, в другой комнате. Когда скрип мебели напоминает шаги. Когда вибрация телефона кажется галлюцинацией. Когда ты вслушиваешься в молчание другого человека сильнее, чем раньше слушала его голос.

Он не писал.

Не возвращался.

Не объяснял.

Не спасал меня от того, что сам сделал.

И именно в этой тишине, густой, липкой, бессовестной, я впервые начала понимать: самое страшное после любви – не крик, не ссора, не хлопок двери.

Самое страшное – это когда после человека остается не шум, а пустое место, которое продолжает звучать им.

Глава 3. Мне нужен кто-то, чтобы не чувствовать себя брошенной

На третий день после его ухода я впервые накрасилась.

Не потому, что мне стало лучше.

И не потому, что я собралась жить дальше.

Просто в какой-то момент я поняла, что больше не могу выглядеть так, будто меня вынесли из-под обломков. Отражение в зеркале начало оскорблять меня не меньше, чем его молчание. Оно будто каждый раз повторяло: вот она, та самая женщина, от которой ушли. Не любимая. Не желанная. Не выбранная. Брошенная.

Это слово поселилось во мне слишком быстро.

Брошенная.

Как старая вещь.

Как квартира после арендатора.

Как собака на трассе.

Как неудачная попытка любви.

Я стояла перед зеркалом в ванной и смотрела на тональный крем, тушь и карандаш для бровей, словно это были не косметика, а инструменты экстренной хирургии. Мне не нужно было стать красивой. Мне нужно было перестать выглядеть уничтоженной.

Я нанесла тон, спрятала серость под глазами, накрасила

ресницы. Руки дрожали. Не от волнения – от внутренней лихорадки, которая не уходила ни днем, ни ночью. Когда я закончила, лицо стало чуть более живым. Почти узнаваемым. И именно это было страшно: даже боль можно подправить консилером.

Я надела свитер цвета молока, джинсы, серьги-кольца, которые он когда-то назвал «слишком дерзкими для тебя». Тогда я посмеялась и сняла их. Теперь специально надела.

Мелкая, жалкая месть женщине, которой меня сделал этот разрыв.

Телефон весь день молчал.

Не только он – вообще все. Подруги после Леры будто интуитивно чувствовали, что я пока не вынесу лишнего сочувствия. Работа ограничивалась короткими сообщениями. Мир, который еще недавно был слишком громким, вдруг стал деликатно тихим, и эта тишина снова вытолкнула меня к нему.

Я открыла наш диалог.

Потом закрыла.

Потом открыла его соцсети.

Потом снова закрыла.

Я не знала, что именно хочу найти. Извинение? Признаки сожаления? Следы новой женщины? Любой знак, что он тоже страдает, сомневается, не спит, мучается. Потому что если мучаюсь только я, значит, наша любовь изначально весила по-разному.

Эта мысль разъедала сильнее всего.

Я ходила по квартире уже не как по музею, а как по тюрьме. Те же стены, те же полки, тот же диван, на котором мы смотрели сериалы, – но теперь все это перестало быть домом. Дом – это место, где ты не чувствуешь себя покинутой. А здесь каждая комната как будто спрашивала: ну и что ты теперь будешь делать одна?

Ближе к вечеру я открыла шкаф и вытащила коробку с его вещами.

Я не собиралась это делать. Просто хотела убрать с глаз рубашки, джемпер, ремень, те самые домашние штаны, которые все еще лежали на стуле в спальне, как будто он вот-вот выйдет из душа и натянет их обратно. Но стоило мне взять в руки первую футболку, как меня прошило его запахом, и я села на пол.

Нет, я не разрыдалась.

Слезы в этот день вели себя сдержанно.

Гораздо хуже – меня затопила тоска.

Не боль. Не злость. Не паника.

Тоска – липкая, вязкая, как густой сироп. Она текла медленно, но перекрывала все. Я сидела с его футболкой на коленях и вдруг поняла, что скучаю не только по нему. Я скучаю по себе рядом с ним. По женщине, которая знала, куда деть руки вечером. Кому рассказать про дурацкий сон. С кем посмеяться над мемом. Для кого купить хлеб по пути домой. Любовь не просто связывает тебя с человеком – она выраста-

ет в ритм, в быт, в мелочи. И когда человека убирают, быт начинает истекать кровью.

Я резко встала.

Нельзя было оставаться в этой квартире еще один вечер.

Я знала, что должна выйти хотя бы в магазин, пройтись, купить что-то, притвориться живой. Но вместо этого я сделала то, о чем потом долго думала с мучительным стыдом.

Я установила приложение для знакомств.

Палец завис над экраном всего на секунду.

Потом я нажала «скачать».

Телефон начал загружать знакомую всем иконку так буднично, будто это не начало моего падения, а покупка новой зубной щетки. Я смотрела на полоску загрузки и чувствовала странную смесь тошноты и предвкушения. Не потому, что мне хотелось мужчин. Мне не хотелось никого. Я все еще жила его запахом, его голосом, его молчанием.

Но мне отчаянно хотелось одного: не чувствовать себя брошенной.

А чужое внимание – самый быстрый наркотик для тех, кого только что выбросили из любви.

Когда приложение открылось, я несколько секунд тупо смотрела в экран.

Создать профиль.

Добавить фото.

Написать о себе.

О себе.

Я даже не знала, кто я теперь.

Не чья-то женщина.

Не «мы».

Не будущая жена, не партнерша, не половина чего-то об-
щего.

Просто я.

И это «я» выглядело пустым.

Я выбрала фотографии почти автоматически. Те, где ка-
залась живой. На одной я смеялась в кафе, на другой смотре-
ла в камеру с легким прищуром, на третьей ветер путал мне
волосы у воды. Ни на одной не было видно, что еще три дня
назад меня оставили с пастой, остывшей на плите, и нервной
дрожью в коленях.

Когда дошло до описания, я зависла.

Что пишут женщины, которых только что бросили?

Что пишут те, кто не хочет отношений, не хочет секса, не
хочет даже свидания, а хочет только одного – чтобы кто-ни-
будь посмотрел на нее и сказал: ты все еще стоишь желанная?

В итоге я написала что-то нейтральное и бессмысленное:

«Люблю книги, длинные разговоры и честность».

Честность.

Я чуть не расхохоталась в голос.

Профиль был готов.

И вот тут началось самое отвратительное.

Первые лайки пришли почти сразу.

Один.

Три.

Пять.

Десять.

Телефон ожил, будто кто-то подключил его к розетке моего самолюбия. Я смотрела на новые уведомления и чувствовала, как внутри что-то, задохнувшееся после расставания, делает первый судорожный вдох.

Вот что я ненавидела больше всего:

не то, что мне было приятно,

а то, насколько мне было приятно.

Эти мужчины ничего обо мне не знали. Им было достаточно нескольких удачных фотографий, пары слов, линии шеи, взгляда, возраста. Они хотели познакомиться не со мной – с образом. Но именно это и работало. После того как один человек сделал тебя ненужной, любой интерес кажется доказательством, что ты не исчезла.

Я листала лица.

Борода. Улыбка. Футболка в спортзале. Мужчина с собакой. Мужчина в машине. Мужчина на яхте. Мужчина в плохом пиджаке. Мужчина с умными глазами. Мужчина, который явно любит себя слишком сильно. Мужчина, который выглядит усталым. Мужчина, который пишет «здесь ради настоящего».

И все они были не людьми, а анестезией.

Я знала это с первой минуты.

Но все равно листала дальше.

Один написал:

«У вас очень грустные глаза»

Я замерла.

Именно эта фраза пробила меня сильнее, чем пошлый комплимент или стандартное «привет». Он увидел. Или ему показалось. Или он просто был достаточно опытен, чтобы бить точно. Но я все равно уставилась на экран так, будто незнакомец случайно коснулся того места, куда я никого не пускала.

Я не ответила сразу.

Потом пришло второе сообщение от другого:

«Такая женщина не должна быть одна вечером»

От третьего:

«Улыбка красивая. А взгляд тяжелый»

От четвертого:

«Кто вас обидел?»

И тут я поняла страшную вещь: мужчины чувствуют раненых женщин почти так же быстро, как раненые женщины чувствуют внимание. Кто-то из них искренне хотел понравиться. Кто-то просто знал, на что давить. Но у всех этих фраз был один общий нерв: они обещали заметить мою боль.

А мне этого и не хватало.

Чтобы кто-то заметил.

Потому что тот, кто должен был, ушел.

Я ответила первому:

«Возможно, вам показалось»

Он написал почти сразу:

«Не показалось. Но вам идет сила»

Я закрыла глаза.

Какая сила?

Я три дня живу как выброшенная на берег рыба, которая делает вид, что это йога.

Но сообщение все равно подействовало.

Я начала переписываться.

Сначала сдержанно, коротко, почти вежливо. Потом легче. Потом с двумя сразу. Потом с тремя. Не потому, что кто-то из них мне нравился по-настоящему. Просто с каждым новым уведомлением я чувствовала, что провал внутри становится не таким гулким. Чужие слова заполняли пространство, где еще недавно звучало его молчание.

И это было опасно приятно.

Вечером Лера написала:

«Как ты?»

Я долго смотрела в экран, а потом ответила:

«Нормально. Ходила по делам»

Это была ложь. Но мне не хотелось признавать даже подруге, что мой «шаг к жизни» состоит в том, что я сижу на диване и позволяю незнакомцам подкармливать мою самооценку с ладони.

Через час один из мужчин – Максим, тридцать шесть, фотография в светлой рубашке, спокойная улыбка – написал:

«Давайте кофе завтра. Без глупостей. Просто выйти

из дома»

Я перечитала сообщение раз пять.

Без глупостей.

Просто выйти из дома.

Оно было подано так просто, почти бережно, что во мне мгновенно сцепились два чувства.

Первое – ужас.

Какой кофе? С кем? Я все еще просыпаюсь среди ночи с ощущением, что забыла вернуть прошлую жизнь на место.

Второе – жадная надежда.

А вдруг именно это мне и нужно? Не любовь. Не страсть. Даже не симпатия. Просто мужчина напротив. Чашка кофе. Взгляд. Вопросы. Доказательство, что мир не кончился на одном человеке.

Я написала:

«Не знаю»

Он ответил:

«Тогда давайте так. Если утром захотите передумать в пользу жизни – напишите»

В пользу жизни.

Люди, которые умеют писать такие фразы, либо очень хороши, либо очень опасны.

Я не ответила.

Но уснуть в ту ночь было уже немного иначе.

Нет, не легче. Не светлее. Не спокойнее. Я все так же лежала и время от времени проверяла, не написал ли он. Все

так же представляла, где он спит, один ли, скучает ли хоть каплю. Все так же чувствовала под кожей унижение, как будто оно стало новым слоем тела.

Но теперь рядом с этой болью появилось другое чувство – низкое, стыдное, почти животное желание убедиться, что я еще могу кому-то понравиться.

Не быть любимой.

Это слишком высоко.

Хотя бы понравиться.

Хотя бы вызвать интерес.

Хотя бы снова увидеть в чужих глазах то подтверждение, которое раньше давала любовь:

ты есть,

ты желанна,

ты не выброшена окончательно.

Под утро мне приснился он.

Во сне он вернулся домой как ни в чем не бывало, повесил куртку, прошел на кухню и спросил:

– Кофе есть?

И я, вместо того чтобы ударить его, закричать или выгнать, во сне начала плакать от облегчения. Как собака, которую после долгой зимы пустили обратно в дом.

Я проснулась в липком стыде.

Вот где была настоящая правда:

днем я переписывалась с чужими мужчинами,

а ночью все еще ждала одного.

Я села на кровати, взяла телефон и открыла переписку с Максимом.

Сообщение висело непрочитанным только в моей голове. В телефоне оно уже давно было прочитано, обдуманно, почти принято.

Я посмотрела в окно. Утро было серым, равнодушным, как все последние дни.

Я перевела взгляд на свое отражение в темном стекле – бледное лицо, растрепанные волосы, глаза, которые действительно стали тяжелыми.

И вдруг поняла:

мне не нужен кофе.

Мне не нужен Максим.

Мне не нужен никто из этих мужчин.

Но мне нужен кто-то.

Кто угодно.

Хотя бы на час.

Хотя бы на вечер.

Хотя бы чтобы не чувствовать себя той, от которой ушли.

И это осознание было таким честным и таким грязным, что я даже не стала притворяться перед собой.

Я написала:

«Хорошо. Во сколько?»

Отправила.

И в ту же секунду почувствовала не облегчение.

А первый укол той зависимости, которая потом еще долго

будет называться у меня не по имени, а красивее:

новая жизнь,

отвлечение,

движение дальше,

женское восстановление.

Хотя на самом деле все было проще и страшнее.

Я просто не могла вынести пустоту.

И решила заткнуть ее первым живым голосом, который согласился прийти.

Глава 4. Первый мужчина после него

Я начала собираться за час до встречи.

Не потому, что хотела произвести впечатление.

Потому что боялась передумать.

Если бы у меня было больше времени на размышления, я бы, скорее всего, написала Максиму что-то вежливое и трусливое: извини, не получится, завал на работе, плохо себя чувствую, давай как-нибудь потом. Женщины редко признаются даже себе, что иногда им страшно не свидание. Им страшно увидеть, как низко они опустились в собственных мотивах.

Я ведь шла не знакомиться.

Не влюбляться.

Не узнавать человека.

Я шла проверять, жива ли еще та часть меня, которую можно захотеть.

Эта цель была настолько голой и постыдной, что я даже мысленно прикрывала ее словами поприличнее:

просто кофе,

просто выйти,

просто отвлечься.

Но тело правду знает лучше.

Оно выдало меня сразу: дрожащими пальцами, слишком долгим выбором одежды, той самой внутренней тошнотой, которая появляется не от страха перед мужчиной, а от страха перед собой новой.

Я стояла перед шкафом и понимала, что каждая вещь теперь что-то значит. Слишком нарядно – будто я голодная до внимания. Слишком просто – будто пришла из жалости к себе. Черное платье отмела сразу: в нем было слишком много намерения. Светлый свитер – слишком много домашней уязвимости. В итоге выбрала темно-серую водолазку, длинное пальто и прямые джинсы. Женщина, которая выглядит собранной. Не счастливой. Не легкой. Просто собранной.

С макияжем я тоже не могла остановиться вовремя. Стерла первую помаду – слишком яркая. Вторую – слишком бледная. Оставила нейтральную, почти незаметную. Волосы распустила, потом собрала, потом снова распустила. В какой-то момент поймала себя на том, что смотрю на отражение с той же тревогой, с какой раньше ждала его взгляда.

Понравлюсь или нет.

Не Максиму.

Себе.

Хотя нет. Кому я вру.

И Максиму тоже.

Перед выходом я открыла телефон и машинально зашла в диалог с бывшим. Никаких новых сообщений. Последним по-прежнему висело мое униженное, злое, лишнее. Никако-

го ответа. Никакого интереса к тому, как я дышу, ем, сплю, живу после его ухода.

Я смотрела на экран и понимала: вот оно. Вот почему я сейчас крашу ресницы ради чужого мужчины. Не потому, что мне нужен новый. А потому, что старый уже не смотрит.

Максим написал за десять минут до встречи:

«Я буду у окна, в синем шарфе. Не спешите, если опаздываете»

Фраза была нормальной. Спокойной. Но меня в ней тронуло это «не спешите». Как будто он заранее допускал, что я могу быть не собранной, не идеальной, не легкой. Как будто оставлял место моему возможному срыву.

Я чуть не отменила встречу именно из-за этой мягкости.

С жесткими проще. Их не жалко обманывать.

На улицу я вышла как на чужую территорию. Воздух оказался слишком холодным, люди – слишком живыми, витрины – слишком яркими. Все вокруг раздражало своей нормальностью. Женщина в красном пальто смеялась в телефон. Мужчина нес огромный букет. Двое подростков ели что-то на ходу и толкались плечами. Мир продолжал быть населенным теми, у кого все еще есть сюжет, а я шла сквозь него как человек после ампутации, который делает вид, что походка не изменилась.

Кофейня находилась в двух кварталах. Я специально выбрала место недалеко от дома, чтобы в случае паники можно было сбежать быстро, красиво и навсегда. По дороге я успе-

ла трижды пожалеть, что согласилась, и дважды убедить себя, что все правильно. К двери подошла уже с тем выражением лица, которое женщины надевают, когда очень боятся показаться ранимыми: чуть холоднее, чем нужно. Чуть увереннее. Чуть выше подбородок.

Он действительно сидел у окна.

Синий шарф, светлая рубашка, темные волосы с легкой сединой на висках. Лицо оказалось лучше, чем на фотографиях. Не красивее – живее. Усталые, внимательные глаза. Не мальчик. Не хищник. Не человек, который пришел играть. И это меня почему-то разозлило.

Потому что в ту минуту мне не нужен был хороший мужчина.

Мне нужен был обезболивающий.

А хорошие мужчины требуют присутствия.

Он встал, когда увидел меня.

– Привет, – сказал мягко. – Я Максим.

– Привет.

Мы обменялись тем неловким полужестом, когда не знаешь, уместно ли касаться друг друга. В итоге не коснулись. И это тоже было правильно. От чужих рук я бы, наверное, дернулась.

– Я уже заказал себе, но вам взял паузу, – сказал он. – Не знал, что вы любите.

Я села напротив и сняла перчатки.

– Американо. Без сахара.

Он кивнул:

– Сейчас принесу.

Пока он шел к стойке, я огляделась. Небольшая кофейня. Светлое дерево. Чашки звякают. Кто-то работает за ноутбуком. Кто-то говорит слишком громко. Кто-то целуется у окна так, будто мира вокруг нет. Я увидела эту пару и сразу отвела взгляд. Мне было физически неприятно смотреть на людей, которые еще верят в безопасность близости.

Когда Максим вернулся, я поблагодарила его и взяла чашку обеими руками. Не потому, что замерзла. Так было легче спрятать дрожь.

– Рад, что вы все-таки пришли, – сказал он.

Я усмехнулась:

– Звучит так, будто вы правда сомневались.

– Сомневался, – честно ответил он. – У вас в сообщениях было настроение человека, который может исчезнуть в любой момент.

Я подняла на него глаза.

Слишком точное замечание.

– А вы зачем тогда позвали? – спросила я. – Из спортивного интереса?

– Нет. Мне показалось, вам тяжело.

Я почти рассмеялась. Не кокетливо. Почти зло.

– И вы решили спасти незнакомую женщину кофеином?

– Нет, – спокойно сказал он. – Просто иногда легче посидеть напротив живого человека, чем одной с собственными

мыслями.

Я замолчала.

Потому что именно это мне и было нужно.

И потому что услышать это вслух оказалось почти стыдно.

Мы начали разговаривать. Сначала о нейтральном – работа, район, любимые места в городе, книги, путешествия, кофе, который везде называют хорошим, хотя он обычный. Разговор тек ровно, даже легко. Он умел спрашивать так, чтобы не допрашивать. Умел слушать, не торопясь вставить о себе. Умел шутить негромко, без самодовольства. И по всем человеческим параметрам это должен был быть удачный вечер.

Но внутри меня все время сидел второй разговор.

Параллельный.

Не с ним.

С собой.

Смотри, тебя слушают.

Смотри, на тебя смотрят с интересом.

Смотри, ты все еще можешь сидеть напротив мужчины, и он не жалеет об этом.

Смотри, ты не исчезла.

Каждый его вопрос, каждый внимательный взгляд, каждая пауза, которую он не заполнял собой, а оставлял мне, работали как капельница для моей подбитой самооценки. И я ненавидела себя за то, как жадно это впитываю.

– Вы все время будто где-то не здесь, – сказал он вдруг.

Я моргнула.

– В смысле?

– В таком, – он слегка улыбнулся, – что вы очень вежливо сидите напротив меня, но часть вас находится в комнате, где, возможно, недавно произошло что-то неприятное.

Я уставилась на него.

Вот так, оказывается, выглядит взрослая проницательность: без пафоса, без нажима, без дешевого «я чувствую твою боль». Просто точное попадание.

– Почему вы так решили? – спросила я тихо.

– Потому что я не первый год живу, – сказал он. – И потому что знаю этот взгляд.

– Какой?

– Когда человек пришел не на свидание. А передохнуть.

Я опустила глаза в чашку.

Кофе уже остывал. На поверхности дрожал тонкий темный круг, и мне почему-то захотелось плакать именно от этой мелочи.

Он не должен был так быстро меня прочитать. Мне хотелось хоть немного побыть просто женщиной из приложения, а не прозрачной травмой в пальто.

– Простите, – сказала я. – Наверное, я зря согласилась.

– За что простите?

– За то, что пришла в таком состоянии.

Он откинулся на спинку стула и посмотрел на меня спокойно, без жалости.

– А вы в каком должны были прийти? В праздничном?

Я слабо улыбнулась.

– Хотя бы в нормальном.

– Нормальных людей вообще мало. После тридцати особенно.

Это было сказано так сухо, что я все-таки рассмеялась. Первый настоящий смех за последние дни. Короткий, осторожный, но живой. И именно в эту секунду я почувствовала, как внутри что-то чуть отпускает.

Не сердце.

Сердце все еще лежало там, где меня бросили.

Но мышцы лица, плечи, дыхание – будто ослабили хватку.

Мы просидели почти полтора часа.

Я не рассказывала прямо про расставание, но сказала, что недавно закончились долгие отношения и я пока не очень понимаю, как существовать в новой реальности. Он не стал лезть с расспросами. Только кивнул и сказал:

– Тогда вы большая молодец, что вообще вышли.

Я едва не вздрогнула от этого «молодец».

После сильной боли любая мягкость воспринимается как прикосновение к синяку: вроде не больно, а внутри все равно сжимается.

Когда мы вышли на улицу, уже темнело. Воздух стал еще холоднее, и я сразу закуталась в пальто. Он предложил пройтись немного. Я согласилась, хотя понимала: чем дольше этот вечер, тем выше шанс, что я начну принимать облегче-

ние за интерес.

Мы шли медленно, почти на расстоянии вытянутой руки. Он рассказывал что-то про работу, про дочь своей сестры, которая называет всех мужчин старше тридцати «уоставшими дядями», про город, который зимой становится особенно честным. Я слушала и параллельно ловила себя на том, что мне нравится его голос. Не как женщины мужчине. Как человеку после шума нравится ровный фон.

Это было опасно.

Потому что раненым очень легко перепутать безопасность с притяжением.

У витрины пекарни он остановился и посмотрел на меня:

– Я не буду делать вид, что не вижу очевидного. Вам сейчас не до меня. И это нормально.

Я застыла.

Меньше всего я ожидала от первого мужчины после него такой прямоты.

– Тогда зачем вы это говорите? – спросила я.

– Чтобы вам не пришлось изображать интерес, если его нет.

Вот тут мне стало по-настоящему неловко.

Потому что он попал в самую грязную правду вечера: я действительно изображала. Не фальшиво, не злонамеренно. Но я пришла взять, а не дать. Взять внимание. Взять тепло. Взять доказательство собственной живости. А он, кажется, сразу понял правила этой игры и не стал делать вид, что

играет в романтику.

– Спасибо, – сказала я тихо.

– За что?

– За то, что не усложняете.

Он чуть улыбнулся.

– Иногда люди и без меня достаточно усложнены.

Мы дошли до перекрестка, где наши пути разошлись.

Он не пытался прикоснуться ко мне, не тянул время, не намекал на продолжение вечера. И именно это, как ни странно, сделало его еще опаснее. Слишком взрослый. Слишком бережный. Слишком вовремя.

– Я напишу вам, – сказал он. – Но без давления. Просто чтобы вы знали: сегодняшний выход был не зря.

– Хорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.